

UDC 930.85 (4—12)

YU ISSN 0350—7653

ACADEMIE SERBE DES SCIENCES ET DES ARTS

COMITE INTERACADEMIQUE DE BALKANOLOGIE
DU CONSEIL DES ACADEMIES DES SCIENCES ET DES ARTS
DE LA R.S.F.Y.
INSTITUT DES ETUDES BALKANIQUES

BALCANICA

ANNUAIRE DE L'INSTITUT DES ETUDES BALKANIQUES

XV

BELGRADE 1984

<http://www.balkaninstitut.com>

Юрий ПИСАРЕВ

Институт славяноведения и балканистики АН СССР
Москва

БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ И ТУРЦИЯ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1908—1914 гг.)

О балканской политике России накануне и в начале первой мировой войны (до вступления Турции в войну) написан ряд работ, но не все ее аспекты изучены с достаточной полнотой. Менее других исследован вопрос о попытке царской дипломатии создать Всебалканский союз, присоединив к нему помимо старых союзников — Болгарии, Сербии, Герции и Черногории — также Турцию и Румынию, чтобы образовать на Балканах и на Ближнем Востоке сильный блок союзных России государств, который мог бы противостоять агрессии в этом районе Германии и Австро-Венгрии.

Первые шаги России по сближению балканских государств

Идея создания объединения балканских государств под влиянием России возникла давно — еще в период образования этих государств в XIX в. и принадлежала славянофилам. В XX веке ее подхватили консервативные круги России, что впервые нашло отражение в особой записке статс-секретаря А. М. Безобразова царю, написанной в 1902 г.¹ А. М. Безобразов преследовал задачу переключить внимание царизма с Ближнего Востока на Дальний Восток и в связи с этим поставил вопрос об обеспечении тыла царской России на Балканах. Он предлагал заключить союз с балканскими странами, включив в его состав Турцию и обеспечив тем самым решение проблемы проливов мирным путем. „Проливы фактически для нас уже открыты, — писал Безобразов, — так как мы сильнее Турции. Нам остается только урегулировать положение на почве солидарности интересов“².

¹ А. Н. Шебунин, *Россия и ближний Восток*, Ленинград 1923, 91—92.

² Там же.

С противоположных позиций, но за выполнение той же задачи установления добрососедских отношений с Турцией и балканскими государствами выступили министр иностранных дел А. П. Извольский и председатель Совета министров П. А. Столыпин. Однако они, напротив, считали, что на Балканах и на Ближнем Востоке следует проводить активную политику, чтобы создать под эгидой России блок балканских государств, а если удастся, то и Всебалканский союз, с привлечением в его состав Турции и Румынии.

Извольский выдвинул эту програму на переговорах 1908 г. с Эренталем в Бухлау, поставив вопрос о компенсациях в пользу Сербии, Черногории, Болгарии и Турции в обмен на согласие России на присоединение к Австро-Венгрии Босни и Герцеговины. Главными из предложений Извольского были: отказ монархии Габсбургов от Новипазарского санджака и вывод из этой области австро-венгреских войск, пересмотр в пользу Черногории статье 29-й Берлинского трактата, исправление государственной границы на территории Боснии в пользу Сербии и Черногории, установление благоприятного для балканских государств режима плавания по р. Дунаю и по Адриатическому морю и ряд других.³

Осуществление этих предложений подяло бы престиж России на Балканах и способствовало бы оближению балканских государств.

Программа Извольского была существенно дополнена П. А. Столыпиным, который заострил внимание на необходимости привлечения к союзу Турции. 21 октября 1908 г. в докладной записке царю им были сформулированы следующие новые пункты: отмена режима капитуляций в Турции, урегулирование вопроса о финансовой задолженности России и признание независимости Болгарии, как королевства. Программа Столыпина имела двойную цель: улучшить отношения России с Турцией и предотвратить конфликт последней с Болгарией. Как свидетельствует болгарский историк Ел. Стателова турецко-болгарские отношения в этот период были напряженными.⁴ Болгария, объявив себя 8 октября 1908 г. независимым королевством, отказалась уплачивать Турции компенсации за находившуюся на ее территории Восточно-румелийскую железную дорогу, Турция угрожала Болгарии войной, сосредоточив на ее границах войска. Военный конфликт между этими государствами был выгоден Австро-Венгрии, аннексировавшей бывшие турецкие провинции, но крайне невыгоден России, стремившейся сблизить балканские государства и Турцию. С целью их примирения царским прави-

³ Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики — Исторический архив, т. 5, 1962, с. 123. (Документы, Публикация).

⁴ E. Stelova, *Sur question des relations Bulgaro-Turques en cours de la periode 1909—1911*, — *Études Balkaniques V*, Sofia 1970, 151.

тельством была проведена трехсторонняя финансовая операция. В 1909 г. Петербургом были подписаны финансовые соглашения с Болгарией и Турцией, что положило конец междусобному конфликту между ними. Болгаро-русское и русско-турецкое соглашения значительно облегчали финансовое положение Болгарии и Турции. Россия отказывалась в пользу Турции от получения 500 млн. фр., уплачиваемых Портой в качестве контрибуции после русско-турецкой войны 1877—1878 гг., Турция в свою очередь отказывалась от получения с Болгарии компенсаций за Восточно-румелийскую железную дорогу, перечислив задолженность Болгарии в размере 125 млн. фр. на счет России. Последняя сократила размер платежей Болгарии до 22 млн. фр. и устанавливала льготы условия уплаты, отсрочив ее сроки на 75 лет.

Русско-болгарское и русско-турецкое финансовые соглашения имели большое экономическое и политическое значение для всех трех государств — России, Болгарии и Турции. Они укрепили позиции России на Балканах и на Ближнем Востоке, и способствовали сближению Болгарии с Турцией, что было важно Петербургу, стремившемуся создать Балканский союз.⁵ 21 апреля 1909 г. через 2 дня после подписания финансового соглашения с Болгарией Россия официально признала болгарское королевство, подав пример остальным великим державам. 23 апреля — Болгарию признали Германия, Австро-Венгрия и Италия. Упрочение суверенитета Болгарии открывало для России возможности вести работу по включению ее в Балканский союз.

Финансовое соглашение России с Турцией создавало перспективы для проникновения русского капитала на турецкий рынок.

Идеи Столыпина и Извольского воспринял новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов, занявший этот пост в 1910 г., после оставки Извольского. Основу балкано-ближневосточной политики Сазонова составляли две задачи: создание Всебалканского союза под эгидой России, который был бы направлен против Австро-Венгрии и Германии, а не против Турции и установление нового режима черноморских проливов, с привлечением к контролю над ними помимо Турции других причерноморских государств (Болгарии, Румынии и России).⁶

В составлении этой программы участвовал ряд ведущих сотрудников МИД и дипломатов, аккредитованных в балканских странах и в Турции — товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов, директор Первого (балкано-ближневосточного) департамента министерства Г. Н. Трубецкой, чрезвычайной и полномочный посол России в Константинополе М. Н. Гирс и его за-

⁵ В. А. Жебокрицкий, *Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг.*, Киев 1969, 128.

⁶ И. В. Бестужев, *Основные аспекты внешней политики России накануне июльского кризиса*, — СБ. Первая мировая война, Москва, 1968, 73.

меститель К. Н. Гулькевич, посланники в Белграде, Цетинье, Софии, Бухаресте и Афинах, а также генеральный консул в Битоли, будущий комиссар Европейской контрольной комиссии в Албании А. М. Петряев, считавшийся специалистом по балканским делам. Программа МИД была согласована с военным и морским ведомствами и одобрена царем.

*Формирование „нового курса“ балканской политики России
С. Д. Сазонов и создание Балканского союза*

„Новый курс“ Сазонова, как принято в литературе называть балканскую политику министра, не сразу приобрел законченные формы. Вокруг вопроса о Балканском союзе довольно долго велись дискуссии в министерстве и среди общественности России.⁷

Предметом разногласий были две проблемы — турецкая и югославянская. Часть дипломатов — Н. Г. Гартвиг, Д. К. Семеновский Курилло, Н. А. Обнорский, будущий посланник в Белграде князь Г. Н. Трубецкой, занявший этот пост после кончины Гартвига в 1914 г., а также многие представители правящих кругов, считали нереальным привлечение Турции в Балканскому союзу и выдвигали идею пересмотра принципа статус кво, имея в виду раздел между Сербией, Болгарией и Грецией территорий Европейской Турции. Н. Г. Гартвиг в записке на имя С. Д. Сазонова от 23 октября 1911 г. писал, что Россия должна преследовать на Балканах две цели: 1) „Облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям достижение их заветных идеалов, что сводится к полюбовному между ними разделу всего турецкого достояния на Балканском полуострове“ и 2) Осуществить свою собственную вековую историческую задачу: стать твердой ногой на берелах Босфора у входных ворот „Русского озера“.⁸ Гартвиг утверждал, что идея создания Балканской федерации или Всебалканского союза с участием Турции выгодна одной только Турции. Он писал, что осуществление этой программы будет иметь для России отрицательные последствия, так как отдалит сроки ликвидации европейских владений Турции и позволит Порте использовать свои вооруженные силы для защиты азиатской части страны.⁹ Позже Н. Г. Гартвиг пересмотрел свою точку зрения, сблизившись со сторонниками создания Всебалканского союза с участием в нем Турции.

Более последовательным противником идеи расширения Балканского союза за счет Турции был Н. А. Обнорский. В записке „Россия и балканский вопрос“, составленной в феврале 1913 г.¹⁰ Обнорский писал, что возможны два решения проблемы: 1) объединение всех славянских государств в одно целое под

⁷ Ю. А. Писарев, *Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии, 1905—1914*, Москва 1962, 170—189.

⁸ Красный архив, т. 8. М. 1925, с. 47—48.

⁹ История дипломатии, т. 2, М. 1963, с. 662—664.

¹⁰ Л. Л. Нейман, *Франко-русские отношения во время боснийского кризиса 1908—1909 гг.*, Французский ежегодник 1958, Москва 1959, 375 и сл.

эгидой царской России („слияние славянских ручьев в русское море“) и сохранение славянских государств под протекторатом той же России.

Дипломат считал, что опорой России на Балканах является лишь одно государство — Сербия, которая „ни прямо, ни косвенно не посвящает на жизненные интересы России“, в том числе на проливы. Вместе с тем составитель записки не отрицал целесообразности объединения двух „сербских государств“ — Сербии и Черногории¹¹ Н. А. Обнорский остановился на проблеме возможного распада многонациональной Австро-Венгрии, указав, что в этом случае также может быть несколько вариантов решения югославянского вопроса. По его мнению, объединение Хорватии и Словении с Сербией опасно, так как в этих районах проживает население, главным образом католического вероисповедания, что приведет к его конфронтации с православной Сербией.

Скрытым противником создания Всебалканского союза был посланник России в Бухаресте М. Н. Гирс. Консерватор по своим взглядам, он боялся перемен. М. Н. Гирс не верил в самую возможность примирения балканских государств с Турцией и в преодоление межбалканских противоречий, но, являясь дисциплинированным службистом, держал это мнение при себе.

Противоположные взгляды высказывали посол в Константинополе Н. В. Чарыков и посланник в Цетинье А. А. Гирс, а также консул в Битоли А. М. Петряев. Первый выдвигал план создания балканской федерации с участием Турции, Петряев и Гирс стояли за образование сильного югославянского государства.

С. Д. Сазонов и подавляющее большинство дипломатов склонялись к позиции Н. В. Чарыкова — А. А. Гирса. Министр иностранных дел наметил две программы решения балкано-ближневосточной проблемы — программу-минимум и программу-максимум. Первая предусматривала создание Балканского союза из одних только балканских государств, вторая имела в виду включение в его состав перспективе Турции.¹²

Программа-минимум, в свою очередь, предполагалась в ряде вариантов. Один из них состоял в создании Балканского союза в составе только трех государств — Сербии, Болгарии и Греции, без Черногории.¹³ Другим вариантом программы-минимум было объединение одних славянских государств, т. е. Сербии, Болгарии и Черногории без Греции. Греция имела слабую армию и ее участие в военнополитическом блоке балканских государств мало что давало России. Между Грецией и Болгарией и между

¹¹ Красная новь, № 6 (10), М. 1922, с. 182—199; Е. В. Тарле, *Германская ориентация и П. А. Дурново в 1914*, Былое, № 19, М., 1922, с. 165.

¹² S. Sazonov, *Les années fatales*, Paris 1927, 54.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 4, д. 641, лл. 14—15.

Грецией и Турцией существовали противоречия, которые могли отпугнуть оба эти государства от союза.¹⁴

Наконец, существовал вариант объединения в единый союз только двух государств — Болгарии и Сербии. Оба государства имели с Россией традиционные связи и в Петербурге надеялись на успех.

Для таких расчетов существовали основания. Еще в 1896 г. между Россией и Болгарией были восстановлены дипломатические отношения и заключен торговый договор. В 1902 г., после посещения князем Фердинандом Петербурга, Болгария и Россия подписали военную конвенцию,¹⁵ в 1908 г. Россия как уже отмечалось первой из европейских держав, признала де-юре болгарское королевство, а на следующий год установила выгодные для Болгарии финансовые с ней отношения.

Повторный приезд Фердинанда в Россию в январе 1910 г. привел к закреплению этих отношений.

Переломным этапом в русско-сербских отношениях стал государственный переворот 1903 г. в результате которого к власти в Белграде пришла династия Карагеоргиевичей, ориентирующаяся на Россию. Новый король Сербии Петр I установил родственные связи с Романовыми, выдав в 1911 г. свою дочь Елену за князя Иоанна Константиновича. Еще раньше брат короля принц Арсен женился на Демидовой, представительнице самой богатой фамилии в России, близкой ко двору. В Петербурге воспитывались два сына Петра I — Георгий и Александр, оба кандидаты в престолонаследники. В 1914 г. едва не состоялась помолвка Александра с дочерью царя Ольгой.

Разумеется, более глубокой причиной черногоро-русского, сербско-русского и болгаро-русского сближения, приведшего к созданию в 1912 г. под эгидой России Балканского союза, была заинтересованность всех этих государств в укреплении своей безопасности, что являлось особенно актуальным в связи с резким ухудшением международной обстановки, чреватой угрозой войны.

Русско-турецкие отношения в 1911—1912 гг.

Итало-турецкая война, вспыхнувшая в сентябре 1911 г., и угроза закрытия проливов, заставили русское правительство предпринять ряд шагов по сближению с Турцией. В свою очередь Турция то же была заинтересована в улучшении отношений со своим соседом, тем более, что на Балканах назревали военные конфликты, и Турции пришлось бы открыть там еще один фронт. Петербургу казалось, что на этот раз его планы по перемосту Лондонской конвенции 1871 г. о проливах поддержат Франция и Италия. Первая была заинтересована во взаимной поддержке

¹⁴ Исторический архив, т. 5, 1962, с. 136—140.

¹⁵ Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях, ч. 1, М., 1925.

России в вопросе о Марокко вторая — в вопросе о Киренаике и Триполи.¹⁶

Австро-Венгрия, занятая своими проблемами на Балканах, как рассчитывали во внешнеполитическом ведомстве на Певческом мосту (в Петербурге) тоже не должна была мешать России, Германия была союзницей Австро-Венгрии, Англия — Франции.

Но эти прогнозы оказались построенными на песке, и когда Н. Чарыков обратился к великому визирю Саиду-паше с предложением о совместной обороне проливов при условии предоставления приоритета при их использовании Россией и других причерноморских государства, все великие державы — и союзники России и члены центральной коалиции-выступили против.¹⁷ Правда, на словах Германия, Италия, Франция и Австро-Венгрия согласились обсудить предложения России, но на деле дезавуировали его. Германский посол в Константинополе А. Маршалл фон Биберштейн посетил министра иностранных дел Асыл бея и посоветовал отклонить предложения Н. Чарыкова. Особую тревогу посла вызывала та часть предложений России, где говорилось о готовности Петербурга посредничать между Турцией и балканскими государствами в деле установления между ними добрососедских отношений. Это был шаг к созданию Всебалканского союза с участием в нем Турции. „Если бы России удалось достичь этой цели, — писал А. Маршалл в Берлин, — это было бы ошеломляющим успехом для славянства и тяжелым ударом для германизма в Турции. С этой политикой связаны русские претензии на проливы“.¹⁸

Встретившись с единым фронтом европейских держав, царское правительство забило отбой. Обвинив Н. В. Чарыкова в превышении своих полномочий, оно отозвало посла из Турции, назначив на его место М. Н. Гирса.¹⁹

Однако С. Д. Сазонов не оставил идеи Чарыкова. В период образования Балканского союза он неоднократно возвращался к мысли о сближении позиций Турции с балканскими государствами.

Ту же точку зрения он отстаивал и после подписания болгаро-сербского договора о союзе в марте 1912 г. и во время первой балканской войны.

Русское правительство, не желая вмешиваться в войну, объявило нейтралитет, стремясь сохранить отношения с обеими воюющими лагерями. Говоря о преимуществах такой политики,

¹⁶ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. 1, М., 1925, с. 343.

¹⁷ В. А. Жебокрицкий, *Болгария накануне Балканских войн 1912—1913 гг.*, Киев 1960, с. 128.

¹⁸ *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914.* (G. P.) Bd. XXX, Berlin 1924, NID 998.

¹⁹ ЦГВИА, СССР, ф. 2000, оп. I, д. 2991, л. 61 „Ньюс Кроникл“, 29. I.—1911 г.

С. Д. Сазонов писал послу во Франции А. П. Извольскому: „Для России, оставшейся в стороне во время войны, представляется возможным, о одной сторны, упрочить свое влияние среди балканских государств, с включением в их число, если возможно Румынии, а с другой стороны — укрепить свое положение относительно Турции“.²⁰

В письме послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу от 30. XI-1912 г. С. Д. Сазонов излагал практические шаги к достижению этих целей. Он писал, что главная задача — помешать Австро-Венгрии и другим великим державам воспользоваться возникшей на Балканах войной, чтобы навязать балканским государствам и Турции невыгодные для них условия мира. „Мы, — сообщал Сазонов, — стремимся к возможной локализации итогов войны, иначе говоря, к возможному ограничению вмешательства западных держав в мирный договор“.²¹

12 декабря 1912 г. между Турцией и Балканским союзом было подписано перемирие, а в Лондоне вскоре начала работать конференция послов великих держав, которой было поручено подготовить проект мирного договора.

Эта конференция проходила в крайне сложной международной обстановке, чреватой угрозой мировой войны. Каждый из ее участников под флагом миролюбия пытался осуществить за счет Турции и балканских государств свои империалистические цели. В. И. Ленин писал, что на конференции велась „игра буржуазных держав и их дипломатов, превзошедших науку интриг, подсиживаний и коварных подножек друг другу“.²²

Так, Германия, используя финансовые затруднения Турции, предложила продать ей ряд территорий, прикрывавших подступы к Босфору (арсенал Топхане и участок земли близ военного порта в бухте Золотой Рог в Константинополе).²³

За спиной Турции она вела переговоры с Англией по разделу сфер влияния в юго восточных районах Османской империи, где пролегла Багдадская железная дорога.²⁴

Французские представители выступили с проектом распространения системы Оттоманского долга на Балканские страны, мотивируя это тем, что после войны часть территорий Турции отошла к балканским государствам.²⁵

Целью Английского империализма служил проект нейтрализации черноморских проливов, который хотя и не обсуждался

²⁰ АВРП, ф. Политархив, д. 3385, л. 5. С. Д. Сазонов—А. И. Извольскому, 16. XI—1912 г.

²¹ АВРП, ф. Политархив, д. 131, лл. 119—123.

²² В. И. Ленин, Соч., т. 18, с. 320.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 9, д. 610, л. 1. И. К. Григорович — В. А. Коковцеву, 2. VI—1913.

²⁴ В. Сид, *Енглеси и рат*, Југословенски гласник, № 1, Ниш 1915, 39—40.

²⁵ АВРП, ф. Политархив, д. 1048, л. 274—275.

на конференции, привлёк внимание ее участников. Англия, посягая на суверенитет Турции, предложила создать международную комиссию по управлению проливами. Присутствие в Босфоре и Дарданелах английского флота могло привести к закупорке военно-морских сил России в Черном море и угрожало интересам причерноморских государств.

Австро-Венгерская дипломатия вела работу по разрушению Балканского союза.²⁶ Политический директор газеты „Таймс“ Уикхэм Стид писал, что Австро-Венгрия „нашептывала на ухо болгарскому царю Фердинанду“ идею межсоюзнической войны с Сербией²⁷ и сама готовилась к расправе с последней. Монархия Габсбургов целых три раза угрожала Сербии войной; в декабре 1912 года и в январе-феврале 1913 года,²⁸ когда конференция закончилась, предложила Италии создать „Оборонительный союз“ против Сербии.²⁹ Австро-Венгрия и Италия использовали конференцию для обсуждения экспансионических планов в Албании, претендуя на единоличный протекторат над этой страной.³⁰

Перед царской дипломатией на конференции стояла весьма сложная задача: укрепить Балканский союз, обеспечив выполнение его территориальных требований к Турции и в то же время сохранить позиции в этой стране, помешав державам запада воспользоваться ее военным поражением для установления контроля над проливами.

Эта линия нашла отражение в ряде дипломатических документов. А. К. Бенкендорф по поручению правительства сделал перед началом конференции заявление о принципиальной позиции России в вопросе бывших турецких территориях. „Россия, — подчеркнул он, — решительно стоит за сохранение итогов войны, а именно за освобождение балканских народов от турецкого ига“.³¹

В инструкции С. Д. Сазонова А. К. Бенкендорфу от 1 мая 1913 года была сформулирована вторая задача. Министр иностранных дел, говоря об опасности раздела турецкого наследства между европейскими державами, указывал на необходимость поддержать Турцию, выделив на первый план проблему черноморских проливов. „События окладываются таким образом, — писал Сазонов, — что мы, не увлекаясь несбыточными утопиями (т. е. захватом проливов военной силой — Ю. П.),

²⁶ К. Б. См. Виноградов, *Дипломатия Австро-Венгрии и первая балканская война*, Научные доклады высшей школы. Исторические науки. Москва 1958.

²⁷ Стид В. Указ. соч., с. 39—40.

²⁸ Feldmarschal Conrad. *Aus meiner Dienstzeit 1906—1918*. Bd. II, Wien, 1929, s. 380—381.

²⁹ Стид В. Указ. соч., с. 39—40.

³⁰ *Osterreich-Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. (OUA)*, Bd. V, Wien—Leipzig, 1930, № 6153.

³¹ АВПР, ф. Политархив, д. 193, л. 1032. А. К. Бенкендорф — С. Д. Сазонову, 13. XI. 1912.

можем считаться с возможностью установить с Турцией лучшие отношения... Турция должна дать себе отчет в том, что Константинополь и проливы находятся под сильной угрозой в будущем. Эта опасность в глазах турок будет перевешивать их традиционное недоверие к России. Наш, до известной степени, общий интерес — предотвратить переход проливов во владение другой державы — сблизит нас с Турцией".³² Сазонов стремился прежде всего торпедировать английский проект нейтрализации проливов и с этой целью выдвинул встречный проект о предоставлении преимуществ при использовании Босфора и Дарданелл торговым флотам России, Турции, Болгарии и Румынии, т. е. причерноморским государствам, имевшим непосредственные интересы в этом важном районе. Обосновывая этот проект, он писал А. П. Извольскому: „Мы можем рассчитывать на возможность завязать с Турцией лучшие, чем раньше отношения, если сохраним за Турцией управление над проливами, а России и другим Черноморским государством предоставим право водить и выводить суда через проливы, в мирное время на известных условиях, обеспечивающих безопасность Константинополя“.³³

В марте 1913 г. русское правительство заявило о готовности распространить принцип наибольшего благоприятствования при использовании проливов на Румынию. „Россия, — писал С. Д. Сазонов А. К. Бенкендорфу, — соглашается предоставить Румынии самое широкое обеспечение ее интересов в проливах“.³⁴ По словам советского историка И. В. Бестужева, Сазонов пытался восстановить на новой основе Ункиар-Искелесский мир 1833 г., добиваясь в перспективе создания Всебалканского союза.³⁵

Проект Сазонова нашел поддержку среди руководителей военно-морского флота. „Для России, — писал начальник Черноморского отдела Морского генерального штаба А. В. Немитц, — лучше иметь на Босфоре и Дарданеллах турецкие пушки, чем увидеть там представителей международной нейтрализации“.³⁶

С. Д. Сазонов выступил также против французского плана перенесения на балканские государства части Оттоманского долга. В своем письме председателю Совета Министров и Министру финансов В. Н. Коковцову от 18 декабря 1912 г. он отмечал, что позиция России „коренным образом расходится с финансовыми видами Франции“.³⁷

³² Siebert V. Diplomatiscbe Aktenstücke zur Geschichte der Entente-politik. Berlin, 1921, s. 692—694.

³³ АВПР, ф. Политархив, д. 1232, л. 40.

³⁴ И. В. Бестужев, *Борьба в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны (1910—1914)*, — Исторические записки, т. 75, М. 1965 г., с. 70.

³⁵ Красный архив, т. 6, 1924, с. 56.

³⁶ АВП, ф. Политархив, д. 3256, лл. 169—170.

³⁷ АВПР, ф. Политархив, д. 3256, лл. 169—170.

Министр иностранных дел предупреждал об опасности финансового закабаления Францией балканских народов. „Защищая интересы балканских государств, — писал Сазонов, — Россия должна зорко следить за тем, чтобы справедливое обеспечение кредиторов не повлекло за собой переложения на балканские государства части долга в размерах, превышающих удовлетворение указанной финансовой операции“³⁸.

Особую тревогу руководителя внешнеполитического ведомства России вызывало намерение Франции создать на Балканах учреждения Оттоманского долга, аналогичные турецким, что могло привести к утрате позиций России на Балканах. Предложения Франции, писал министр, „не может встретить с нашей стороны какой-либо поддержки“³⁸.

С. Д. Сазонов высказался за реорганизацию системы Оттоманского долга, выдвинув два варианта решения этого вопроса — программу-максимум и программу-минимум. Первая предусматривала отмену финансового контроля европейских государств над Турцией, вторая расширение Совета Оттоманского долга с включенным в его состав представителем России³⁹ и передачей поста председателя этого учреждения представителю Турции. „Россия, — писал Сазонов А. П. Извольскому 13 апреля 1913 года — может получить больше выгод из прямых и непосредственных отношений со свободной Турцией, чем связав ее подчинением европейского контроля, а себя неизбежным участием в последнем“⁴⁰.

Русское правительство предприняло ряд шагов для осуществления этой программы. Еще в 1909 г. оно подписало с Турцией финансовое соглашение об отсрочке на 40 лет выплаты Портой контрибуции в пользу России, которую государство выплачивало, начиная с 1879 г. Это была значительная сумма в 125 млн. ф. и отказ России от ее получения, несомненно облегчил положение турецких финансов. Взамен Россия добилась ряда привилегий в торговле с Турцией, а в 1910 г. получила от Порты разрешение на учреждение при генеральных консульствах в Константинополе и в Измире комиссий содействия сбыту русских товаров.⁴¹

В откябре 1913 г. между Турцией и Россией был подписан новый договор, обеспечивающий участие российского капитала в турецких монополиях по добыче нефти, производству сахара, спичек, папиросной бумаги и ряда других товаров. Оценивая значение этого соглашения, М. Н. Гирс писал: „... Нам впервые откроется возможность приступить к утверждению в Турции нашего экономического влияния, без которого мы не будем в

³⁸ АВПР, ф. Политархив, д. 3256, лл. 169—170.

³⁹ АВПР, ф. Политархив, д. 1048, л. 545. Товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов послу в Константинополе М. Н. Гирсу, 28. X. 1913.

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 464, л. 72.

⁴¹ Ю. Ключников, А. Сабинин, *Международная политика новейшего времени (в договорах, нотах и декларациях)*, I, Москва 1925, 333, 345.

состоянии осуществить исторически сложившиеся здесь задачи". В Турции создали свои филиалы „Русский для внешней торговли банк“, керосиновое акционерное общество Нобеля, компания по сбыту товаров резинового производства „Треугольник“.⁴²

Наряду с промышленной и торговой буржуазией интерес к ближне-восточному рынку стали проявлять российские банки.⁴³ В 1913 году Русско-Азиатский банк предпринял попытку купить акции „Банка де Салоник“ в Константинополе. Через год председатель этого банка А. И. Путилов подписал с турецким правительством соглашение об участии Русско-Азиатского банка в создании центрального „Банка националь де тюрки“. С. Д. Сазонов, санкционируя указанную сделку, поставил в качестве условия требование о поддержке новым банком политики России на Ближнем Востоке.⁴⁴

В свою очередь министерство иностранных дел шло на встречу требованиям российских капиталистов. В ноябре 1913 г. С. Д. Сазонов поставил перед державами вопрос о допуске в Совет Оттоманского долга представителя России. Министр предложил послу в Константинополе предварительно договориться об этом с турецким правительством. „Нам нужно согласие Турции, — писал он в инструкции М. Н. Гирсу от 9 ноября“.⁴⁵ Гирс известил Сазонова, что в Константинополе создан русско-турецкий комитет для разработки программы экономического и культурного сотрудничества Турции с Россией⁴⁶ и информировал министра о подписании с турецким правительством нового соглашения о железнодорожном строительстве. Связи России с Турцией, писал посол, развиваются „при общем уважении совместных интересов“.⁴⁷ Аналогичную оценку русско-турецких отношений этого периода дал в своих воспоминаниях драгоман российского посольства в Константинополе А. Н. Мандельштам, хорошо осведомленный о настроениях правящих кругов Турции. Он писал, что в Константинополе курс Сазонова-Гирса находит значительную поддержку.⁴⁸

Однако положение стало меняться после укрепления позиций в новом младотурецком кабинете, пришедшем к власти

⁴² В. К. Лисенко, *Ближний Восток, как рынок сбыта русских товаров*, Санктпетербург 1913, 25 и след.

⁴³ И. Ф. См. Гиндин, *Банки и промышленность в России до 1917 г.* М.—Л., 1927; Его же, *Русские коммерческие банки*, Москва—Ленинград 1948; А. Ванг, *Финансовый капитал в России накануне мировой войны*, Москва 1930.

⁴⁴ (МОЭИ) *Международные отношения в эпоху империализма*. Сер 3, т. 1, М.—Л., 1931, № 194.

⁴⁵ АВПР, ф. Политархив, д. 1048, л. 545.

⁴⁶ Там же, д. 1050, л. 88.

⁴⁷ Там же, д. 1048, л. 274—275.

⁴⁸ A. Mondelstam, *Le sort de l'empire Ottoman*, Paris 1917, 140.

в 1913 г., военного министра германофила Энвер-паши.⁴⁹ Турция, вопреки советам России, приняла участие в междоусобной войне на Балканах, вспыхнувшей после нападения в июле 1913 года Болгарии на Сербию. Это было существенным ударом по „новому курсу“ Сазонова, т. к. в итоге войны разрушился Балканский союз. „Сербоболгарская война, — констатировал русский военный агент в Софии. Ю. Маниковский, — является крушением всей нашей предшествующей балканской политики“.⁵⁰

Царской дипломатии не удалось восстановить своих позиций в Турции и после окончания второй балканской войны. Единственным реваншем за поражение, которое она понесла от австро-венгерской и германской дипломатии, спровоцировавшей войну, было предотвращение греко-турецкого конфликта, едва не переросшего в третью балканскую войну. Россия в союзе с Англией и Францией добилась временного примирения сторон и локализации конфликта. Но вскоре международная обстановка на Балканах и на Ближнем Востоке снова накалилась, что было вызвано прибытием в Турцию германской военной миссии генерала О. Лимана фон Сандерса.⁵¹

Основными документами, которые позволяют проанализировать русско-турецкие отношения этого периода являются всеподданнейшая записка С. Д. Сазонова царю от 23 ноября 1913 года, другой аналогичный доклад министра от 23 декабря того же года, протоколы Особых совещаний при Совете Министров от 31 декабря 1913 г. и при Министерстве иностранных дел от 8 февраля, 1914 г., а также материалы военного и морского ведомств о черноморских проливах.

Во всеподданнейшей записке от 23 ноября 1913 г. С. Д. Сазонов, проявляя озабоченность по поводу сообщения М. Н. Гирса о провокационной деятельности Германии в Турции, впервые высказал мысль о неизбежности решения проблемы проливов „в обстановке общеевропейских осложнений“,⁵² что позволило не-

⁴⁹ А. Ф. Миллер, *Вступление Турци в первую мировую войну*, Известия АН СССР, Серия истории и философии, III/6, Москва 1946, с. 321—340.

⁵⁰ ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 3048, л. 66. Военный агент в Болгарии начальнику Главного управления генерального штаба. София, 7. VIII—1913.

⁵¹ А. С. См. Аветян, *К вопросу о роли миссии Лимана фон Сандерса*, — Уч. зап. Ереванского русского педагогического института, т. VIII, Ереван 1957, 43—66; Г. Арш, *Британская дипломатия и Миссия Лимана фон Сандерса*, — Вестник Ленинградского государственного университета, № 11, Ленинград 1949, 112—125; И. И. Кублашвили, *Германская военная экспансия в Турции и царская Россия. Миссия германского генерала Лимана фон Сандерса в Турции*, Труды Кутаисского Государственного педагогического института т. 20, Кутаиси 1959, 1—53; А. С. Силин, *Германская военная миссия Лимана фон Сандерса в Турции (декабрь 1913 — июль 1914)*, Ученые записки Кишиневского государственного университета, т. 72 (Сер. истории), Кишинев 1964.

⁵² АВПР, ф. Политархив, д. 134, л. 70.

которым историкам сделать вывод о переходе Сазонова на позиции военной партии.⁵³

Для таких утверждений, однако, нет оснований. Напротив, угроза войны с Германией еще более усилила стремление правительства заручиться поддержкой балканских государств и сохранить нейтралитет Турции.

Сазонов прямо писал о нежелательности для России дальнейшего обострения обстановки на Балканах. „Все потребности нашего внутреннего развития ставят задачу поддержания мира на первое место“.⁵⁴ Министр подчеркивал важность сохранения принципа статус кво на Балканах и на Ближнем Востоке. „Скорое распадение Турции не может быть для нас желанным“.⁵⁵

В записке значительное место уделялось вопросу о возрождении балканского союза. Основой нового союза, писал министр, должны стать Сербия и Болгария, которых надо примирит. „Как ни трудна задача снова сплотить Сербию и Болгарию, — отмечал Сазонов, — но только при условии союза каждая из них может ставить себе дальнейшие национальные идеалы. Находясь во вражде, оба государства будут сковываться взаимным бессилием“.⁵⁶ В записке повторялась старая идея о целесообразности расширения балканского союза за счет Румынии, а возможно и Турции.

С. Д. Сазонов настаивал на сохранении с Турцией добрососедских отношений. В защиту этого предложения министр приводил довод о неподготовленности России к войне на море. К записке была приложена справка о состоянии военно-морских сил государства, из которой следовало, что Черноморский флот был слабее турецкого,⁵⁷ не говоря уже о том, что он уступал объединенным флотам Турции, Австро-Венгрии и Германии.⁵⁸

„В настоящее время, — делал заключение С. Д. Сазонов, — приходится говорить не только о невозможности активных выступлений против Турции, но и о недостаточности наших оборонительных средств.“⁵⁹

К аналогичным выводам пришел морской министр адмирал И. К. Григорович. „Моурское министерство всецело присоединяется к взглядам, формулированным министерством иностранных дел“, — писал он С. Д. Сазонову от 20 декабря 1913 г.⁶⁰

⁵³ См. например, Я. М. Захер, *Константинополь и проливы*, Красный архив, т. 7, 1924, с. 45—47.

⁵⁴ АВПР, ф. Политархив, д. 134, л. 60.

⁵⁵ Там же, л. 70.

⁵⁶ Там же, л. 71—72.

⁵⁷ Там же, л. 79—82. „О необходимости увеличения наших морских сил на Черном море.“ Записка С. д. Сазонова.

⁵⁸ К. Ф. См. Шацилло, *Российский империализм и развитие флота*, Москва 1968.

⁵⁹ АВПР, ф. Политархив, д. 134, л. 66.

⁶⁰ Красный архив, т. 7, 1924, с. 33.

23 декабря 1913 года С. Д. Сазонов направил царю новую всеподданнейшую записку, которая была написана под свежим впечатлением от полученных из Константинополя тревожных известий о дальнейшем усилении позиций Германии в Турции. Генерал Лиман фон Сандерс получил назначение командующим турецкими войсками в зоне проливов, что было чревато угрозой их окончательного перехода под контроль Германии.

Сазонов выразил в записке большое беспокойство по поводу провокационных действий султанского правительства, предложив ряд контрмер, которые должны были заставить Турцию соблюдать нейтралитет. Наиболее радикальными из них были: финансовый бойкот Османской империи Англией, Францией и Россией, временное отозвание послов этих государств из Константинополя и военная демонстрация флотов держав Антенты у берегов Турции с возможной высадкой союзных десантов в Измире, Бейруте, Синопе и Трапезунде.⁶¹

Однако созванное 31 декабря 1913 г. Особое совещание под председательством председателя Совета Министров В. Н. Коковцова, отклонило эти меры, как слишком опасные, предложив урегулировать конфликт дипломатическим путем.⁶² Англия и Франция также отказались поддержать план Сазонова и последнему пришлось отступить.

8 февраля 1914 г. при Министерстве иностранных дел было созвано еще одно Особое совещание.⁶³

На этом совещании, которое по своему составу было самым представительным форумом (в его работе приняли участие руководители дипломатического, военного и морского ведомств) все его участники, за исключением А. В. Немитца, высказались против военных акций в районе проливов, аргументируя эти соображения неподготовленностью России к войне на двух фронтах — германском и турецком. „Сколько бы у нас не было войск и даже гораздо больше, чем сейчас, мы всегда будем предусматривать необходимость направлять свои силы на Запад против Германии и Австро-Венгрии“, — заявил генерал-квартирмейстер русской армии генерал Ю. Н. Данилов.⁶⁴ Аналогичные позиции заняли начальник генерального штаба генерал Я. Г. Жилинский, морской министр адмирал И. К. Григорович, и о. начальника Морского генерального штаба контр-адмирал Д. В. Ненюков и другие высшие руководители армии и флота. Особое совещание не выработало программы действий, ограничившись общими пожеланиями избегать военной конфронтации с Турцией.

В Петрограде придерживались этой линии вплоть до вступления Турции в войну, хотя султанское правительство все более

⁶¹ *Константинополь и проливы*, т. 1, Москва 1925, с. 61—64.

⁶² Там же, 61—64, 68.

⁶³ Журнал Особого совещания при Министерстве иностранных дел. Петербург, 8. II. 1914. — АВПР, ф. Политархив, д. 4203, лл. 4—12.

⁶⁴ АВПР, ф. Политархив, д. 4203, л. 10.

стремительно скатывалось на путь военных авантюр.⁶⁵ 2 августа 1914 г., т. е. на следующий день после начала русско-германской войны, Турция присоединилась к Центральной коалиции,⁶⁶ заключив секретное соглашение с Германией и Австро-Венгрией о пополнении турецкого флота германскими и австрийскими кораблями.⁶⁷ В Черное море были присланы германские тяжелые крейсера „Гебен“ и „Бреслау“, получившие новые турецкие названия „Явуз Султан Семин“ и „Мидилли“. Их прибытие, а также пополнение турецкой эскадры германскими и австро-венгерскими подводными лодками привело к еще большему изменению соотношения сил на Черном море в пользу Турции.⁶⁸

Однако царское правительство, недооценивая возникшей угрозы, продолжало строить надежды на сохранение Турцией нейтралитета. 10 августа С. Д. Сазонов заверил турецкое правительство в письменном виде о готовности России, Англии и Франции гарантировать Порте независимость в случае, если она сохранит нейтралитет.⁶⁹

16 августа 1914 г., когда в Петрограде стало известно о выходе турецко-германской эскадры во главе с „Гебеном“ и „Бреслау“ в Черное море, С. Д. Сазонов дал указание директору дипломатической канцелярии при Ставке Н. А. Кудашеву предостеречь командующего Черноморским флотом адмирала А. А. Эбергарда от ответных действий.⁷⁰ „Продолжаю придерживаться мнения, что нам важно сохранить мирные отношения с Турцией, — писал министр.“⁷¹ Идентичную позицию заняло английское правительство, посчитавшее момент неподходящим для войны с Турцией.

17 августа между С. Д. Сазоновым и французским послом М. Полеологом состоялась доверительная беседа о русских планах относительно проливов. Министр иностранных дел, не отрицая намерения России решить „исторический вопрос“ о проливах в свою пользу, отметил тем не менее, что правительство не собирается ущемлять суверенитет Турции „Даже в случае победы мы будем соблюдать независимость и неприкосновенность Турции, если она останется нейтральной в этой войне, — заявил

⁶⁵ См. Миллер А. Ф. *Турция под гнетом германского империализма в годы первой мировой войны*, Исторический журнал, кн. 12 (112), М., 1942, с. 16—18.

⁶⁶ *Die deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch*, Bd. I. Scharlottenbugr 1919, N 259.

⁶⁷ А. С. Силин Указ, соч., с. 285—289; А. Шталь, *Прорыв „Гебена“ и „Бреслау“*. СБ. Кто должник? Москва 1926.

⁶⁸ Извлечения из доклада военно-морского агента в Константинополе капитана первого ранга Щеглова, послу в Турции. XII. 1913. — АВПР, ф. Политархив, д. 4203, лл. 29—31.

⁶⁹ К. Ф. См. Шаццлло, *О диспропорции вооруженных сил России накануне первой мировой войны (1906—1914)*, Исторические записки, 1969, т. 83, с. 135.

⁷⁰ АВПР, ф. Политархив, д. 4142, л. 2.

⁷¹ *Константинополь и проливы*, т. 1, 92—93.

Сазонов. — Самое большое, что мы потребуем — установление нового режима проливов, который будет одинаково применим ко всем государствам, лежащим на берегу Черного моря — к России, Болгарии и Румынии⁷².

Посол в Константинополе М. Н. Гирс, разделяя взгляды С. Д. Сазонова, предостерегал правительство от действий, которые могли бы спровоцировать Турцию на войну. 21 августа (2. IX) 1914 г. он писал С. Д. Сазонову: „Блокада Босфора означает немедленный разрыв и военные действия. Если теперь имеются еще хоть какие-либо шансы избежать войны, то мы их сразу порываем“⁷³.

10 сентября в Министерстве иностранных дел под председательством С. Д. Сазонова состоялось совещание руководителей министерства с представителями Морского генерального штаба, обсудившее вопрос о позиции России в случае перехода Турции к более активным действиям на Черном море, которые могли привести к войне и высказалось за соблюдение крайней осторожности. С. Д. Сазонов в телеграмме адмиралу А. А. Эбергарду, отправленной 11 сентября, просил командующего Черноморским флотом принять во внимание политические доводы при определении военно-стратегических планов. „Сложность задач на европейских театрах войны, писал министр иностранных дел, — побуждает нас сделать все возможное для предотвращения столкновений с Турцией, которое отвлекло бы часть наших сил и могло бы захватить весь Балканский полуостров, препятствуя совместным с нами действиям в Сербии против Австрии“⁷⁴.

Отмечая большую роль балканского фронта, С. Д. Сазонов указывал на важное значение привлечения к союзу с Сербией и Черногорией других балканских государств, прежде всего Румынии. Министр выражал опасения, что в случае неудачи боевых операций против турецкого флота нейтральные государства на Балканах откажутся к этому союзу. „При учете шансов борьбы, — писал он, — надо иметь в виду роковые последствия которые имела бы для нас неудача подобного столкновения, как непосредственная, обеспечивающая безраздельное господство Турции в Черном море, так и моральная, в значительной мере парализуя впечатление на доселе нейтральные государства, наших успехов в Галиции“⁷⁵.

К числу моральных факторов С. Д. Сазонов относил вопрос о зачинщиках войны. Министр считал крайне важным, чтобы инициатором военной конфронтации была не Россия, а противная сторона.

„С общей политической точки зрения . . . весьма важно, чтобы война с Турцией, если бы она оказалась неизбежной, была

⁷² Р. Пуанкаре, *На службе Франции*, Москва 1936, т. 1, 64.

⁷³ АВПР, ф. Политархив, д. 1142, л. 4.

⁷⁴ МОЭИ, сер. 3, т. VI, ч. 1, № 245.

⁷⁵ Там же.

бы вызвана само Турцией", — писал он Н. А. Кудашеву 16. VIII-1914. г.⁷⁶

В соответствии с этой установкой строились и военно-оперативные планы командования Черноморского флота. 27 декабря 1913 г. штаб командования Черноморского флота направил на утверждение морскому министру „План операций Черноморского флота на 1914 г.“, который основывался на предположении, что в случае войны инициатива активных действий будет принадлежать Турции.⁷⁷ В преамбуле к проекту плана говорилось: „Россия, не усилив своей армии параллельно с усилением в 1913 г. германской и австрийской армий, не имея на Черном море ни сильного флота, ни достаточных средств для перевозки крупного десанта, а также боясь внутренних потрясений, сама войны не начнет“.⁷⁸

Командующий Черноморским флотом адмирал Эбергард, начальник штаба командования контрадмирал Плансон и начальник оперативного отдела командования капитан 2-го ранга Кетлинский предлагали „занять выгодную позицию для боя вблизи Севастополя и на этой позиции дать бой“.⁷⁹

Начальник Морского генерального штаба (МГШ) вице-адмирал А. И. Русин подверг этот план критике на совещании 10 сентября 1914 г., однако не стал добиваться его изменения, т. к. сам был сторонником оттягивания войны против Турции. 24 июня 1914 г., всего лишь за месяц до начала германской войны, А. И. Русин писал морскому министру, что Россия будет готова к войне на Черном море только после 1917 г., т. е. в то время, когда, по мнению Морского генерального штаба, русский флот будет сильнее турецкого и сможет обеспечить операцию по освоению проливов.⁸⁰

Военная конфронтация стала неизбежной после нападения 16 октября германо-турецкой военно-морской эскадрильи на Одессу и другие незащищенные черноморские проты России. С. Д. Сазонов попытался было и на этот раз разрешить конфликт дипломатическим путем, пригласив поверенного в делах Турции в Петрограде Фахредин-бея, он сделал ему следующее заявление: „Если бы Турция заявила о немедленной высылке всех немцев, военных и моряков, то тогда можно еще было бы приступить к переговорам об удовлетворении за вероломное нападение на наши берега и причиненный от этого ущерб“.⁸¹

⁷⁶ Константинополь и поливы, т. 1, 93.

⁷⁷ В. Г. Симоненко, *Морской генеральный штаб русского флота (1906—1916)*, Канд. дисс., Ленинград 1975, 85.

⁷⁸ Центральный государственный архив Военно-морского флота СССР (ЦГАВМФ), ф. 418, оп. 1, д. 531, 102.

⁷⁹ *Флот в первой мировой войне*, Москва 1964, 324.

⁸⁰ Красный архив, т. 7, 1924, с. 53—54.

⁸¹ Цит. по: Миллер А. Ф. *Очерки новейшей истории Турции*, Москва — Ленинград 1946. 44.

Но инициатива Министерства иностранных дел была отклонена турецким правительством.

20 октября (1 ноября) 1914 г. между Турцией и Россией началась война, после которой наступил новый период русско-турецких отношений. Однако и во время войны, история которой выходит за рамки данной статьи, русское правительство не отказалось от некоторых идей, лежавших в основе предвоенной балканской политики Сазонова.

В течение целого года, вплоть до октября 1915 г., оно пыталось наладить отношения между Болгарией и Сербией и возродить Балканский союз. Одновременно зондировалась почва о заключении перемирия с Турцией. После поражения Сербии и Черногории эта задача стала особенно актуальной. 4 марта 1916 г. новый начальник штаба верховного командования генерал М. В. Алексеев выступил с предложением заключить перемирие с Турцией, перебросив Кавказскую армию на Германский фронт. „Мир с Турцией, — указывал М. В. Алексеев, — перевернет все на Балканах в нашу сторону“.⁸² Начальник штаба писал, что во имя достижения этой цели Россия может отказаться от захвата проливов. „... Для нас несравненно важнее вернуть, например, Курляндию, нежели приобрести проливы“, — заявил он.⁸³ М. В. Алексеев и целый ряд руководителей армии считали, что нужно вернуться к диее С. Д. Сазонова о заключении мира, аналогичного Ункмар-Искелесскому миру 1833 г., который, обеспечивая интересы России и других причерноморских держав в районе проливов, был бы приемлем и для Турции.

В Министерстве иностранных дел также были сторонники этой программы. 8 декабря 1916 года преемник С. Д. Сазонова и Б. В. Штюрмера Н. Н. Покровский направил царю записку, указывая на целесообразность заключения перемирия с Турцией, чтобы избежать раздела Османской империи великими державами. „Нашим интересам, — писал министр иностранных дел... не соответствует водворение у наших будущих малоазиатских границ какой-либо великой европейской державы, хотя бы теперь и дружественной нам. Для нас является существенно необходимым сохранение в Мало Азии в возможно больших пределах независимого Турецкого государства, политически и экономически тяготеющего к нам. При этом оно должно быть настолько жизнеспособным, чтобы не сделаться в ближайшем будущем предметом легкой добычи и раздора...“.⁸⁴ Н. Н. Покровский предлагал решить проблему проливов, по существу, на основе плана С. Д. Сазонова о предоставлении преимущественных прав их использования причерноморским государствам. При этом не

⁸² *Константинополь и проливы*, т. 1, с. 108, Н. А. Кудашев — С. Д. Сазонову. 4. III-1916.

⁸³ Там же.

⁸⁴ АВПР, ф. Политархив, д. 1753, л. 85, Н. Н. Покровский — послам в Лондоне, Риме и Париже 8. XII-1916, № 5381.

игнорировались и права Турции. „За турецким государством, — говорилось в документе, — следует сохранить свободные выходы к морю“.⁸⁵

Русское правительство уведомило Бухарест, что указанные привилегии полностью распространяются на румынское государство. Россия, сообщал товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов русскому посланику в Бухаресте С. А. Поклевскому-Козелл 13 ноября 1916 г., — готова „предоставить румынскому торгому и военному флотам полную свободу плавания через проливы.“⁸⁶ 23 января 1917 г. Министерство иностранных дел снова подтвердило этот заявление.⁸⁷

Временное правительство также принимало попытки прозондировать вопрос о заключении перемирия с Турцией. Министр иностранных дел М. И. Терещенко направил 9 мая 1917 г. инструкцию эмиссару министерства в Барие А. Н. Мандельштаму; предлагая вступить в негласные переговоры с представителем Порты, чтобы „оторвать Турцию от центральных империй“.⁸⁸ Но буржуазное Временное правительство, ограничившись декларацией о пересмотре царской политики, продолжало империалистическую войну против Турции. Подлинный мир народам России и Турции принесла только Великая Октябрьская социалистическая революция, в результате которой между обеими государствами были установлены добрососедские отношения, основанные на принципе взаимного уважения государственного суверенитета.

⁸⁵ Там же. С. 110.

⁸⁶ АВПР, ф. Политархив, д. 4191, л. 29.

⁸⁷ Там же, л. 47.

⁸⁸ В. С. См. Васюков, *Внешняя политика Временного правительства*, Москва 1966, 134—148.

БАЛКАНСКА ПОЛИТИКА РУСИЈЕ И ТУРСКА
УОЧИ ПРВОГ СВЕТСКОГ РАТА (1908—1914)

Резиме

У своме раду аутор, на основу архивске грађе и раније објављених радова, показује основне смернице балканске политике Русије у периоду 1908—1914. године. При томе, аутор издваја два основна момента, битна за ову политику: напоре руске дипломатије у циљу зближавања балканских држава и непрекидна настојања да се са Турском одрже добри односи. У том контексту аутор излаже идеје главних архитеката руске спољне политике — Безобразова, Извољског, Столипина, Сазонова и других и указује на чиниоце који доприносе формирању „новог курса“ балканске политике Русије, а чији је крајњи циљ формирања Балканског савеза.

Посебну пажњу аутор у чланку посвећује минималним и максималним плановима руске дипломатије и њиховим различитим варијантама у решавању турског проблема; указује на ставове и дилеме идејних твораца тих планова — Обнорског, Чарикова, А. А. Гирса, Петрајева и др. Истовремено, аутор пружа основне податке о продору руског финансијског капитала у Турску и даје пресек руско-немачког економског, политичког и војног сукобљавања на овом терену.

Преко општег погледа на ток конференције амбасадора у Лондону 1913. године, аутор оцртава како сложеност у односима између водећих европских сила, тако и сукоб интереса Русије и неких западних земаља, пре свега на Балкану и у области мореуза.

